

Писаревский Н. Н. Полтора года в Берлине: (Заметки о религиозной и общественной жизни) // Богословский вестник 1897. Т. 2. № 5. С. 240–263 (3-я пагин.). (Продолжение.)

Полтора года въ Берлинѣ.

(Замѣтки о религиозной и общественной жизни).

(Продолженіе).

Протестантство распадается на много отдѣлковъ. Каждая отдѣльная вѣтвь его старается проводить свои возрѣнія въ печати, а потому очень трудно говорить объ общемъ направленіи протестантской богословской науки. Среди писателей протестантовъ есть и консерваторы, и либералы, сторонники и противники социализма, нетерпимые пѣтисты и свободомыслящіе, гуманные богословы. Это чрезвычайно затрудняетъ задачу выяснить хотя отчасти направленіе протестантства и выпуждаетъ говорить лишь о тѣхъ вопросахъ протестантской богословской науки, которые составляютъ злобу дня. — Прежде всего, протестантству приходится считаться съ развитіемъ естествознанія ¹⁾. Естественныя науки, съ ихъ результатами, оказали очень сильное вліяніе на умственную жизнь запада. Эволюціонная теорія происхожденія міра и чловѣка, разбивающая міровой строй на двѣ половины — космическую и этическую, причемъ социальный прогрессъ представляетъ изъ себя задержку космическаго процесса и замѣщеніе его другимъ этическимъ, состоящимъ не въ переживаніи тѣхъ, которые оказываются наиболѣе приспособленными по отношенію къ совокупности существующихъ условій, но тѣхъ, кто лучше въ этическомъ отношеніи ²⁾, создала протестантскимъ богословамъ трудную задачу примирить эти два столь различныхъ процесса,

1) D-r. G. Riehm. Christentum. und Naturwissenschaft, Apologetischer Vortrag. Leipzig. 1896. Справ. А. Harnack. Zur gegenwärtigen Lage des Protestantismus. S. 7--9. Leipzig. 1896.

2) D-r. G. Wolff. Der gegenwärtige Stand des Darwinismus. Leipz. 1896.

съ библейскимъ ученіемъ о мірѣ и человѣкѣ. Однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и популярныхъ распространителей дарвинизма въ Германіи является А. Вейсманъ, который ежегодно выпускаетъ свои многочисленные труды съ указаніемъ, что дарвинизмъ теперь долженъ освѣщать всѣ проблемы, всѣ отрасли изслѣдованія, и что печать дарвинизма цѣнится за самое лучшее свидѣтельство даже въ отдаленныхъ отъ дарвинизма областяхъ науки ¹⁾. Рѣдко когда-либо столь глубоко проникала какая-либо мысль въ среду образованныхъ и особенно необразованныхъ слушателей и вызывала такое почтеніе и уваженіе, чѣмъ мысли этой теоріи, и это объясняется лишь тѣмъ, что дарвинисты высказываютъ, что они разрѣшили проблему, которая глубоко интересна для каждаго, именно—проблему цѣлесообразности. Какъ смотреть на эти притязанія дарвинизма протестантскіе богословы, можно видѣть изъ цитованнаго сочиненія Reihm'a, гдѣ онъ говоритъ: „христіанство и естествознаніе считаются въ принципѣ врагами, но крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ естествознаніе оставило произведенія Аристотеля и другихъ авторовъ древности и стало почерпать свои свѣдѣнія, изъ наблюденія надъ самой природой. Но для насъ непонятно, какъ наука, цѣль которой изслѣдовать истину, можетъ стоять въ противорѣчій съ христіанствомъ, которое, какъ всѣ мы знаемъ, основывается на истинѣ. Или есть двойная истина? Можетъ-ли быть что-либо одновременно истиннымъ и ложнымъ? Очевидно нѣтъ. Мы усматриваемъ скорѣе, что вражда между естествоиспытателями и защитниками христіанской истины наступитъ только тогда, когда та или другая сторона выступитъ за предѣлы своей области, и если даже такіе споры о границахъ присущи и понятны человѣку, то все-же полезно и утѣшительно показать, что наука сама въ себѣ не носитъ противорѣчій съ христіанствомъ, да даже и не можетъ находиться съ нимъ въ противорѣчій“ ²⁾. Основная коллизія между естествознаніемъ

1) August Weismann. Neue Gedanken zur Vererbungsfrage. Leipz. 1896. Prof. D-r. Fritsch. Die materiellen Grundlagen der Descendenzlehre. Лекціи въ Берлинскомъ Университетѣ, въ которыхъ онъ доходитъ иногда до абсурда. D-r. Ravitz. Die darvinische Theorie. Тоже лекціи, въ которыхъ онъ слѣдуетъ Weismann у.

2) G. Reihm. Crist. u. Naturwiss. S. 5—6.

и христіанствомъ заключается въ исторіи о происхожденіи міра и человѣка. Первое учить, что міръ и человѣкъ образовались естественнымъ путемъ изъ несложнаго вещества, второе учить, что они сотворены Всемогущимъ Богомъ. Вина въ этой коллизіи обоюдная: и дарвинистовъ и богослововъ. „Первые пристрастно переступили границы, назначенныя для нихъ. Они выше всего поставили свое ученіе, именно какъ единственное, которое сдѣлало излишнимъ творящаго Бога, и удивительную цѣлесообразность, усматриваемую при господствѣ Творца міра, изъяснили простѣйшимъ образомъ. Удивительно видѣть, съ какимъ легкомысліемъ и смѣлостью они выступали каждый разъ противъ добродѣтелей, которыя благочестивая душа считаетъ за самое высшее и святое, съ какимъ мужествомъ проповѣдывали происхожденіе міра безъ Бога и провозглашали материализмъ, который, какъ они утверждали, есть необходимое слѣдствіе дарвинизма. И матеріалисты, во главѣ съ Бюхнеромъ, видѣли, съ своей стороны, въ дарвинизмѣ могущественное подкрѣпленіе ихъ ученія. Оба вмѣстѣ несли свое ученіе въ народъ и утверждали въ немъ свои антирелигіозныя доктрины. Кто вообще порвалъ съ Богомъ и всѣми религіозными воззрѣніями, потому что они были ему непріятны, тотъ съ радостью ухватился за дарвинизмъ, который сказалъ ему, что содержитъ доказательство небытія Бога, Творца всего существующаго, а слѣдовательно и вѣчнаго Судіи. Поэтому вполне извинительна ошибка, если вначалѣ богомолы думали, что они должны всѣми силами опровергать дарвинизмъ и съ Библіей въ рукахъ изъяснять происхожденіе первобытныхъ существъ. Этимъ они переступили свои границы. Они забыли, что Библія, и въ частности двѣ первыхъ главы Библіи, имѣетъ цѣлью сообщать намъ о Богѣ и Его отношеніи къ людямъ—и обратно объ отношеніи людей къ Богу, но никакъ не сбересть намъ историческія, географическія или-же естественно-научныя изслѣдованія. Библейское сказаніе о твореніи не есть только разсказъ, продиктованный Богомъ для записи Моисею, но содержитъ мысль, которая была внушена благочестивому и просвѣщенному Богомъ мужу, относительно начала, происхожденія и теченія сотенъ тысячъ лѣтъ міра, религіозную справедливость которой подтвердилъ Иисусъ Христосъ. Если-

же и есть тутъ что-либо неясное для насъ, то мы должны сознавать, что и ранѣе люди знали это не лучше и, быть можетъ, будутъ знать это лучше, чѣмъ мы, люди спустя сотни тысячъ лѣтъ“¹⁾. Отсюда протестантскіе богословы дѣлаютъ такой выводъ: „мы принимаемъ безъ разговоровъ, что внѣшній ходъ творенія, какъ онъ изложенъ въ Шестодневѣ, не соотвѣтствуетъ истинѣ“²⁾, а также мнѣнія и попытки, которыя сдѣланы относительно указанія на фактъ, что предъ Богомъ тысяча лѣтъ, какъ одинъ день, и которыя шесть дней отождествляютъ съ огромными геологическими періодами, болѣе вредятъ дѣлу, чѣмъ помогаютъ. Какъ мы можемъ защищать то, что не защищаетъ самъ бытописатель? Пусть будетъ лучше для насъ неизвѣстно, что бытописатель оставилъ слѣдовать между его первымъ извѣстіемъ о твореніи и вторымъ, которое такъ мало совпадаетъ съ первымъ, потому что рѣчь тутъ вообще не о творческомъ дѣлѣ. Бытописателя такъ мало занимаетъ внѣшній ходъ творенія, что онъ ни разу не пытается привести оба извѣстія въ согласіе. Его занимаетъ одно то въ религіозной истинѣ—общее обоимъ извѣстіямъ, что Богъ, въ противоположность богамъ язычниковъ, есть творецъ вселенной, что всякая матерія и сила происходитъ отъ Него, что Онъ, слѣдовательно, имѣетъ всю силу и безъ Его совѣта и воли не можетъ быть ничего. Это есть величайшая истина, которой бытописатель обязанъ божественному просвѣщенію.—Но противорѣчитъ-ли этому естествознаніе? Развѣ скажутъ намъ естествоиспытатели, откуда произошелъ огромный, вертящійся центральный шаръ? Откуда произошла матерія? Сама она образовалась? Но для химика то неоспоримая истина, что никогда не образуется новая матерія. Откуда произошла сила? господствующее обращеніе раскаленной массы? Развѣ отъ самой себя? Физикъ не знаетъ происхожденія силы, а лишь ея примѣненіе. Или кто-нибудь скажетъ: матерія движется

1) Ibid. S. 21. Справ D-r Meinhof. Biblisches Schutz-und Trutzbüchlein. Leipzig. 1896.

2) Взгляды русскихъ богослововъ по этому поводу можно видѣть: Митр. Филаретъ. Записки на книгу Бытія. Стр. 30—31. П. Сергіевскій. Твореніе міра и человѣка М. 1883. Новорусскій—о томъ-же въ „Христъ Чт.“ за 1887. С. С. Глаголевъ. О пренехожденіи и первобытномъ состояніи рода человеческого. М. 1894.

отъ вѣчности, слѣдовательно, міръ самъ въ себѣ вѣчный законъ, въ которомъ нужно искать для себя трансцендентальное божество? Но математикъ отвѣтитъ: ты не знаешь начала безконечности, потому что оно продолжалось билліоны лѣтъ прежде, чѣмъ изъ вертящагося шара образовался настоящій міръ; — вѣчность еще длиннѣе! Ибо что было въ предшествовавшіе билліоны лѣтъ? Вертѣвшійся въ то уже время паровой шаръ, не даль-ли вращенію въ себѣ самомъ видъ нынѣшняго міра? Нѣтъ, движеніе не можетъ быть вѣчно: оно перемѣняется, усиливается, развивается; вѣчнымъ можетъ быть только одно неизмѣнное, или періодическое, или покой. Итакъ, неизмѣнное существо должно было сотворить и привести въ движеніе первоначальное вещество; но кто это существо, не говоритъ намъ естествознание, а говоритъ только библейское извѣстіе о твореніи“¹⁾).

Точно также отрицаютъ протестанскіе богословы и рѣшеніе вопроса цѣлесообразности въ дарвинистическомъ смыслѣ. Для примѣра они берутъ такіе факты: гончая собака получила длинныя ноги чрезъ измѣненіе, наслѣдственную передачу и естественный подборъ; жирафъ по тѣмъ-же условіямъ, получилъ длинную шею; но изъ этого нельзя вывести, что цѣль произведенія столь быстроногаго животнаго и животнаго, имѣющаго длинную шею, вовсе не существовала на лицо. Въ этомъ случаѣ, дарвинистическій выводъ носитъ самъ по себѣ чисто теоретическій характеръ, и не соответствуетъ даннымъ дѣйствительности. Оба эти примѣра совершенно равнозначущи при измѣненіяхъ во внѣшнемъ мірѣ, независимо отъ того имѣла-ли собака длинныя ноги или жирафъ длинную шею. Они могли также хорошо кормиться и при короткихъ ногахъ и при короткой шеѣ, слѣдовательно, здѣсь не сбывается изъяснительный процессъ естественнаго подбора, который всегда предпочитаетъ длинныя ноги и шею. Между тѣмъ неоспоримый фактъ, что звѣри съ длинными ногами и шею, также какъ и съ короткими, исчезаютъ. Отсюда ясно, что вѣроятность вліянія естественнаго подбора, въ пріобрѣтеніи животнымъ длинныхъ ногъ и шею, нисколько не больше вѣроятности—

1) Riehm. S. 21—23.

пріобрѣтенія короткихъ ногъ и шеи, потому что здѣсь одинаково вѣроятны и плюсь — измѣненія и минусъ — измѣненія, какъ единственно возможные измѣненія, и наступленіе обоихъ имѣетъ равную истинность. Даже вполне возможно и болѣе вѣроятно, что когда часть одного органа измѣняется лишь количественно, то изъ такого измѣненія произойдетъ ухудшеніе въ цѣломъ организмѣ ¹⁾, и дарвинизмъ тутъ нисколько не рѣшаетъ вопроса о цѣлесообразности. Начало цѣли мы всего лучше познаемъ изъ нашихъ собственныхъ дѣлъ. Мы сами ставимъ себѣ цѣль, но достигаемъ ее при помощи естественныхъ средствъ, устроая такія отношенія, что чрезъ естественное дѣйствіе силъ природы достигаются желаемыя слѣдствія. Если-бы это было иначе, то это былъ бы совершенный абсурдъ. Къ чему ведетъ дарвинистическое изъясненіе цѣлесообразности, можетъ показать слѣдующій примѣръ. Ктонибудь сказалъ-бы охотнику: дѣйствительно, ты застрѣлилъ зайца, но ты не достигъ цѣли застрѣлить его, такъ какъ порохъ перешелъ въ пары по очевиднымъ химическимъ законамъ, пары заняли болѣе обширное мѣсто, вслѣдствіе этого дробь двинулась впередъ; она двигалась, далѣе, подъ вліяніемъ одновременно дѣйствующей силы тяготѣнія въ видѣ параболической дуги, которая окончилась тамъ, гдѣ бѣжалъ заяцъ. Дробинки попали ему въ тѣло и онъ упалъ. Такъ это было. Все естественныя силы, которыя дѣйствуютъ по естественнымъ законамъ. Но самой цѣли застрѣлить зайца ты не видѣлъ; слѣдовательно, ее не было на лицѣ. Полагаемъ, охотникъ принялъ бы говоруна за сумасшедшаго. — Если законы природы такъ устроены, что чрезъ перемѣну ихъ дѣйствія образовали изъ вертящагося парового шара нѣчто чудесное и полное искусства, какъ этотъ міръ съ его живыми существами, то кто можетъ сказать, что свойства и законы матеріи образовались случайно и ненамѣренно, но цѣлесообразно? Имѣетъ это смыслъ или нѣтъ? И если уже въ распредѣленіи свойствъ матеріи уже въ основѣ положена цѣль, то все-же долженъ кто-нибудь обладать ею, долженъ быть устроившій матерію и давшій ей естественныя законы. А кто это — не скажетъ намъ никакое естествознаніе, зани-

¹⁾ Wolf, S. 16.

мающееся только видимой природой, какъ и свойственно ему,—это скажетъ намъ только священное писаніе, которое говоритъ намъ, что такой творецъ міра и человѣка есть всеобщій Богъ. Никакое естественно научное изслѣдованіе не можетъ пошатнуть въ насъ вѣру въ Бога, всемогущаго творца неба и земли, и всѣ возраженія противъ этого имѣютъ лишь ложный, теоретическій характеръ, потому что сами постоянно мѣняются, разрушаютъ одно другое, не имѣя истинной, доказанной, основной точки отправления въ своихъ разсужденіяхъ ¹⁾. Въ этомъ случаѣ дарвинистамъ давно пора прислушаться къ авторитетному голосу профессоровъ Вирхова и Дюбуа-Реймона (покойнаго) и не давать своимъ теоріямъ слишкомъ широкихъ обобщеній.

Не менѣе, чѣмъ съ естествознаніемъ, приходится считаться протестантскому богословію еще съ двумя факторами религіозной жизни, изъ которыхъ одинъ образовался въ самое послѣднее время. Одинъ изъ этихъ факторовъ имѣетъ цѣлю на основаніи научныхъ данныхъ лишить религію ея божественнаго происхожденія. Представителями такого пониманія религіи являются по преимуществу члены „Versammlungslokal der freireligiösen Gemeinde“, издающіе въ такомъ духѣ свои труды. Другой является какъ-бы осуществленіемъ этого ученія, примѣненіемъ его на самомъ дѣлѣ. Лица этого рода не ограничиваются только словами, но на самомъ дѣлѣ оставляютъ христіанство. Но для этого въ Германіи нужно все дѣло поставить формально. И вотъ они подають прошеніе въ судъ, что они не считаютъ себя христіанами. Послѣ того какъ гражданская власть разсмотритъ ихъ прошенія и положитъ резолюцію, разрѣшающую имъ оставить христіанство, они переходятъ въ разрядъ язычниковъ, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ и право поступить когда-либо на государственную службу. Чтобы дать болѣе точную характеристику этихъ направленій, приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ сочиненія „Die Schaffung Gottes durch den Menschen von Hartmut Brugg“ ²⁾. „Одно понятіе играетъ въ жизни народовъ и отдѣльныхъ личностей огромную роль: это религія. Никто изъ лицъ образованныхъ не можетъ

1) Riehm. S. 27—31.

2) Leipzig. 1896.

кратко выяснитъ: что такое религія. Я могу лишь выразить это приблизительно такъ: религія есть мысль о сверхъестественной силѣ по человѣческому образу... Основные идеи религіи образовались у перваго человѣка приблизительно также, какъ онѣ образовались-бы у современнаго человѣка, совершенно оставленнаго безъ религіознаго воспитанія и обученія. Все, что устроитъ человѣческую жизнь, вызываетъ поступки, мысли, чувства и надежды—это нужда. Уже первый человѣкъ чувствовалъ себя безпомощнымъ и слабымъ, если пламенная молнія ударила подлѣ него, если страшный ударъ грома потрясалъ его. Все было заклято для человѣка: свирѣные звѣри, пустыня, холодъ и палящій зной. Мореплаватель дрожалъ предъ штормомъ, предъ яростью массы воды, освобожденной отъ оковъ; такъ человѣку казалось: моя сила недостаточна, долженъ господствовать надо мною сильнѣйшій. Онъ подастъ мнѣ помощь, если я буду просить его. Такъ образовалось міросозерцаніе, изъясняющее все при помощи человѣческаго представленія. Скоро отдѣльныя личности стали призывать высшее существо, по дару рѣчи и выдающемуся уму почувствовали себя ближе къ нему и образовали священство. А такъ какъ человѣкъ носитъ въ собѣ силу, которая живетъ какъ свободная образовательница дѣйствительности, т. е. силу воображенія или фантазію, то если дѣйствительность окружающей его природы была чужда ему, если онъ не могъ ее изъяснить, однако долженъ былъ изъяснить,—онъ образовалъ и выдумалъ эту дѣйствительность по своему собственному желанію и волѣ. Все таинственное, загадочное онъ представилъ по своей собственной манерѣ; отсюда, нужда и попытки понять явленія природы породили всѣхъ боговъ. Отъ фетиша до высочайшаго Бога — это единственный источникъ происхожденія божества. Быть можетъ ничто такъ не говоритъ за произведеніе Бога язычниками, какъ различіе божества, соответствующее степени образованія и всѣмъ чувствамъ народа: родъ занятій, пашня, рыбная ловля, городская жизнь служатъ мѣриломъ для Бога. Такъ, персы—народъ земледѣльческій—почитали за божество солнце; германцы—народъ впечатлительный къ явленіямъ природы—обоготворили эти явленія; греки—обоготворили человѣка, потому что быть человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова —

было благороднѣйшей цѣлью грека: финикійце — народъ сладострастный—создали и соотвѣтственное божество; евреи, народъ прекрасно одаренный, благороднѣйшій между семитами, богатый по силѣ воображенія и чувствамъ, создали представленіе о невидимомъ, единомъ Богѣ. Здѣсь уже слышится великая мощь работы мысли: всё явленія поставить въ связь, свести къ одной силѣ. Но этотъ Богъ, созданный столь могучей личностью, какъ Моисей, могъ быть только понимаемъ благороднѣйшими умами, и не удивительно, что масса всегда снова обращалась къ идолослуженію. Какъ въ человѣкѣ, такъ въ богѣ. Буддизмъ и магометанство возникли изъ видовыхъ особенностей народовъ. Соблазнительное ученіе Магомета приобрѣло себѣ права гражданства у имѣющихъ горячую кровь арабовъ; лѣнивая, но разсудительная желтая раса усвоила себѣ мрачное ученіе Будды. Разсудительному европейцу нужна въ высшей степени развитая религія. Но сколь много ступеней образованія въ каждомъ народѣ, столько же и религій или видовъ религій. Глупый и ограниченный человѣкъ не можетъ понимать ученія Павла, и евангелическая свобода Лютера—отлична отъ свободы крестьянина. Пришлось бы зайти слишкомъ далеко, еслибы кто пожелалъ освѣтить полигическое положеніе, духовную жизнь, кинмать, свойства расъ въ ихъ вліяніи на религію. Католики, протестанты все же могли бы уяснить себѣ, что ихъ твердыя, вкоренившіяся истины, чѣмъ болѣе человѣчны, тѣмъ менѣе можно отказывать ихъ первоначальному происхожденію изъ человѣческаго мозга, происхожденію, мастерски составленному изъ человѣческихъ представленій и прикрасъ. Больно для думающаго и чувствующаго изслѣдователя видѣть, какъ цѣлыя столѣтія возвѣщается вымыселъ за вѣчную истину, какъ человѣческое дѣло поработило человѣка, твореніе—творца“.

Противъ такого направленія въ нѣмецкой литературѣ особенно сильно выступаетъ въ своихъ лекціяхъ „Glaube und Wissen“ („Вѣра и знаніе“) профессоръ Берлинскаго университета D-r Lasson. Онъ говоритъ: въ различныхъ гипотезахъ о происхожденіи религій, существующихъ въ нашей литературѣ, встрѣчаются указанія на мнимые и случайные источники религіозной идеи, которыя само-собою уничтожаютъ всякую мысль объ ея истинѣ. Здѣсь, прежде всего,

заслуживаютъ вниманія тѣ гипотезы, которыя, отвергая объективность и истинность религіи, объясняютъ ея происхожденіе у людей причинами случайными, внѣшними. Но эти гипотезы носятъ въ самихъ себѣ противорѣчіе и несообразность, потому-что не объясняютъ того, что хотятъ объяснить, т. е. причину первоначальнаго происхожденія религіи. Онѣ не могутъ указать тотъ процессъ мысли, который приводитъ къ представленію о существѣ сверхчувственномъ, о которомъ нечто внѣшнее не даетъ понятія. Тѣ побужденія въ образованіи религіозныхъ понятій, какія они указываютъ, побужденія вымышлять — и есть только неопредѣленныя побужденія вымышлять, но не даютъ готовыхъ элементовъ для такого понятія, ничего сходнаго съ которымъ не представляла существовавшая дотолѣ область понятій и представленій. Психологія очень ясно утверждаетъ, что для самаго фантастическаго представленія потребны элементы, почерпнутые изъ данныхъ, дѣйствительныхъ впечатлѣній, что самая смѣлая фантазія не творитъ изъ ничего, но преобразуетъ элементы дѣйствительныхъ представленій. Минимая гипотеза изобрѣтенія религіозной идеи, въ окружающемъ ее чувственномъ мірѣ не имѣетъ ничего, что могло бы ей дать понятіе о невидимомъ, вѣчномъ, всемогущемъ существѣ; ясно, что такое понятіе не принадлежитъ къ числу произвольно создаваемыхъ представленій. Нельзя также не замѣтить, что въ этой гипотезѣ страха человѣка предъ грозными явленіями природы между причиною и дѣйствіемъ нѣтъ логической связи. То правда, что грозныя явленія природы возбуждаютъ страхъ; но откуда является здѣсь благоговѣніе или иначе религіозное отношеніе къ предмету страха — совершенно необъяснимо. Страхъ чувствуютъ и животныя, но онъ не переходитъ у нихъ въ благоговѣніе. Отсюда благоговѣніе и страхъ далеко не одно и то же. Нельзя отрицать, что у нѣкоторыхъ, стоящихъ на низшей степени развитія племенъ, религіозное чувство выражается въ формѣ страха предъ существами, принимаемыми за боговъ; но это явленіе не всеобщее и притомъ уже искаженное послѣдующимъ временемъ, а не примитивное. Страхъ религіозный не однороденъ съ ощущеніемъ страха предъ грозными явленіями природы: съ первымъ соединяется представленіе высшей, невидимой силы,

проявляющей себя въ явленіяхъ природы; со вторымъ — лишь инстинктивное сознаніе личной опасности. Явленія природы, какъ бы они ни были грозны, не могутъ образовывать въ душѣ человѣка понятіе о высшей силѣ; эта идея присуща душѣ ранѣе и безъ нея самыя поразительныя явленія природы вызывали бы лишь сознаніе безпомощности и зависимости отъ природы, а никакъ не представленіе о существѣ, управляющемъ силами природы. Стоять лишь обратить вниманіе на содержаніе религіи, чтобы понять, что оно выше всего того, что можетъ дать самая смѣлая фантазія, которая какъ бы ни расширяла границы свойствъ человѣческихъ качественно и количественно, не могла бы все же найти тѣ абсолютныя признаки, которые являются въ ученіи религіи о Богѣ, если-бъ этихъ признаковъ не было ранѣе въ душѣ. Объ этомъ фактѣ сознанія умышленно умалчиваютъ представители подобныхъ гипотезъ; они принимаютъ лишь, что созданный человѣкомъ идеаль путемъ самообольщенія превратился въ идею божества; допускаютъ немыслимый психологическій процессъ, которому нѣтъ ничего подобнаго въ дѣйствительности. Что же касается того, что религія несомнѣнно сопровождаетъ каждый народъ по всеѣмъ ступенямъ его исторической жизни, видоизмѣняется съ измѣненіемъ понятій, правовъ и историческихъ обстоятельствъ, но остается неизблемою въ своихъ основныхъ пачалахъ, то это такой фактъ, который никакъ не можетъ быть признанъ ни случайнымъ, ни происходящимъ отъ случайныхъ причинъ. Образованіе, очищая и преобразуя религіозныя представленія, вовсе не ослабляетъ и не уничтожаетъ самой религіи и антирелигіозное направленіе есть лишь превратное образованіе, какъ явленіе мимолетное и исключительное въ правильномъ ходѣ исторической жизни народовъ. Утверждать, что религія есть плодъ фантазій, значить не имѣть никакого уваженія къ человѣчеству, человѣческому разуму, представлять человѣка жалкимъ существомъ, который не можетъ отличить истины отъ сказки.

Противъ практическаго примѣненія этой идеи, т. е. противъ выходящихъ изъ церкви, борьба со стороны протестантскаго духовенства ведется и устно и письменно ¹⁾.

1) Число такихъ вышедшихъ изъ церкви въ нынѣшнемъ году прости-

Устно противъ выходящихъ изъ церкви выступили въ одномъ собраніи, на которомъ довелось быть и мнѣ, не безызвѣстный бывшій придворный проповѣдникъ Адольфъ Штекеръ. У него замѣчательное чутье ко всему, что составляетъ злобу дня, что въ рукахъ честолюбца можетъ дать благодарную почву для агитаціи, но отсутствуетъ чутье правды, пониманія какъ приступить къ столь щекотливому вопросу. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые идутъ всюду на проломъ, и которые не умѣютъ хладнокровно выслушать мнѣніе противника и также хладнокровно его отпаривать. Въ этомъ собраніи, къ несчастію, боксерство Штекера не послужило протестантству на пользу. Онъ былъ позорно разбитъ и осмѣянъ своими противниками. Уже одно то, что подъ объявленіями Штекера, въ которыхъ онъ призывалъ возвратиться въ лоно протестантства, стояло другое, очень краткое, но своего рода знаменательное: „не вѣрьте, его преподобію, все, что онъ говоритъ о религіи, — ложь, а равно и все, что онъ говоритъ о политикѣ, тоже ложь, вызывало очень дзусмысленныя улыбки и распотагало слушателей не въ его пользу.

Совершенно инымъ путемъ хочеть повліять на эти два прискорбныя явленія въ протестантствѣ Вильгельмъ Шрадеръ ¹⁾). Совершенно спокойно, но съ глубокимъ пониманіемъ, приступаетъ онъ къ трудной задачѣ примиренія чуждающихся церкви съ церковью. Онъ признается, что между многими неразрѣшными вопросами настоящаго времени, на которые онъ долженъ отвѣтить и которые его всего болѣе занимаютъ — это вопросъ: какъ привлечь къ церкви образованныхъ лицъ, которыя считаютъ себя чуж-

рается до тысячи человекъ. Насколько мнѣ удалось уловить, не малое значеніе имѣеть въ данномъ случаѣ пожеланіе платить церковныя налоги, которые здѣсь довольно значительны. Около этой причины трутніруются уже и прочія, какъ неизбежныя спутники ея. Въ числѣ невѣрующихъ оказался даже одинъ пасторъ изъ Веймара. Онъ заявилъ въ Церкви, что Бога нѣтъ, за это былъ отрѣшенъ отъ должности суперъ-интендентомъ; но не подчинился этому рѣшенію. Онъ подалъ въ судъ, доказалъ свою яко-бы справедливость, признанъ былъ правымъ и, не смотря на свои убѣжденія, остался въ должности пастора.

¹⁾ Wie gewinnen wir die kühlich Fremden für das Evangelium? Von D. Dr. Wilhelm Schrader, Geh. Oberregierungsrat und Kurator der Universität zu Halle. Berlin. 1896.

дыми церкви, евангелію и христіанству? ¹⁾ Конечно, это явленіе не новое, противъ него боролись Шлейермахеръ и Роте, но это нисколько не облегчаетъ задачу, потому что отпаденія отъ христіанства теперь выражаются гораздо упорнѣе и рѣзче, такъ какъ ученые противники желаютъ вмѣстѣ съ собой отвлечь народныя массы отъ христіанства, отъ всякой религіи вообще. Поэтому для примиренія теперешняго раздора церковь не должна полагаться на силы лишь своихъ служителей, но вся церковная община должна придти ей на помощь, чтобы достигнуть благопріятныхъ результатовъ. Въ этой борьбѣ нельзя пойти быстро дѣйствующаго средства, которое могло-бы совершенно прекратить расцѣлю, но въ ней, во всякомъ случаѣ, не должно быть какой-нибудь внѣшней, карающей дисциплины, которой нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ убѣжденіи духа. Народныя движенія, которыя волнуютъ теперь христіанство, почерпаютъ свою силу не изъ самихъ себя, а изъ ученій тѣхъ, которые привыкли и очень склонны брать лишь половину мысли и изъ нея строить свои выводы. Было-бы очень трудно бороться съ этими явленіями, если-бы чистая наука была на сторонѣ ихъ. Но наука слишкомъ добросовѣтна и скромна, чтобы не имѣющія цѣны доктрины и дурно обоснованныя мысли дѣлать своей опорой. Вслѣдствіе этого, можно замѣчать, что внутреннее расположеніе образованныхъ круговъ стало благопріятнѣе, настроеніе стало теплѣе: они ищутъ единенія съ церковью и въ этомъ скрывается зародышъ, котораго позволяетъ церкви надѣяться на лучшее будущее. Главная причина отпаденія отъ религіи, по мнѣнію Шрадера, та, что въ Германіи школьная жизнь совершенно лишена религіознаго принципа. Религія не играетъ никакой роли въ дѣлѣ школьнаго обученія; двери школы закрыты для нея. Отъ этого происходитъ то, что юноши весьма далеки отъ воспитанія въ духѣ Христовомъ и со школьной скамьи посятъ въ себѣ отчужденіе отъ церкви. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, пасторы должны учреждать внѣбогослужебныя собранія, на этихъ собраніяхъ знакомить мірянъ съ результатами богословскихъ работъ, оставивъ, прежде всего, взаимные споры о раз-

¹⁾ Ibid. S. 5.

личною пониманіи писанія. Въ этомъ случаѣ ихъ рѣчи будутъ первымъ пробуждающимъ призывомъ къ религиозному чувству и сознанію, а ихъ еженедѣльная проповѣдь должна быть пропикнута строгостью мысли, глубиной чувства и рѣшительнымъ призывомъ къ самосознанію. Сопоставленіе земного съ небеснымъ обратитъ разумъ людей къ страху Божию, ихъ эгоизмъ къ любви и служенію дѣлу Христову. Такимъ только способомъ они могутъ установить согласіе между церковною и образованными мірянами относительно основоположеній христіанской мысли и воли, потому что иначе церковь станетъ неплодоносною, языческою, если міряне совершенно отрѣшатся отъ христіанства. Христіанская проповѣдь предъ мірянами не должна быть направлена на толкованіе догмы или на защиту употребляющихся нынѣ формъ, но къ созиданію нравственно-религиознаго убѣжденія и вѣры, къ пробужденію преданности сердца Богу и евангелію. При такихъ условіяхъ сама собой исчезнетъ та ошибка, которая держитъ мірянъ вдали отъ церкви, что наша церковь—лишь церковь духовенства. И чѣмъ тѣснѣе сольется жизнь церкви съ жизнью общины, тѣмъ будетъ она приносить болѣе богатые плоды. Церковь не должна ограничивать свои заботы только проповѣдью въ храмѣ, не должна быть недѣятельной и сторонней отъ движеній и выводовъ свѣтскаго образованія, въ противномъ случаѣ она лишена будетъ возможности воздѣйствія на мірянъ и возможности улучшить ихъ. Она не должна впадать въ ту ошибку, что ея проповѣдь, вопреки заповѣди Спасителя, должна относиться лишь къ вѣрнымъ, и не должна забывать, что тѣ, которые даже отрицаютъ Бога, сами невольно свидѣтельствуютъ, что они не могутъ отрѣшиться отъ Него, такъ какъ сознаютъ, что это непереходимая граница для ихъ разума, ибо равнодушіе и совершенное отчужденіе не стали-бы сражаться съ такимъ усердіемъ... Здѣсь не должно смущать то, что будто-бы между христіанскимъ ученіемъ и выводами науки лежитъ цѣлая пропасть. Если уже сами строгіе представители науки признаютъ неосновательность крайнихъ выводовъ естествознанія и другихъ подобныхъ гипотезъ и невозможность объяснить явленія человѣческаго духа путемъ чисто естественнымъ, то тѣмъ болѣе естественно христіанству указать,

какъ любовь къ земному и непонятному ослѣпляетъ нѣкоторыхъ изъ ученыхъ и отдѣляетъ ихъ отъ истиннаго свѣта, который они затемняютъ и все-же должны къ нему обратиться. При строгой мысли и послѣдовательности, они должны въ концѣ концовъ дойти до отчаянія, что и случилось съ нѣкоторыми въ то время, какъ они обращали естественное въ сверхъестественное и промѣняли свободу духа на принудительную силу природы, идеаль на постыдную дѣйствительность, вѣчный миръ на неусыпное наслажденіе. Поэтому дѣло примиренія съ религіей можетъ только состояться на аренѣ великой области жизни, если удастся согрѣть ожесточенныя сердца, поселить въ нихъ желаніе совмѣстной работы въ этой области, вырвать ихъ ложный стыдъ предъ собственнымъ самодовольствомъ и возбудить ихъ къ союзу для борьбы за царство вѣчнаго духа. Преобразование общей мысли и образа мыслей, конечно, дѣло великихъ умовъ; но если удастся только хотя ясно обозначить временныя пренятствія религіознаго развитія, то этимъ уже будетъ открытъ путь для ихъ преодоленія. Это теперь тѣмъ удобнѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ пренятствій, столь усиленно выставляемыхъ, носятъ въ себѣ печать произвольности и вмѣстѣ съ тѣмъ слабости. Если часто и довольно громко раздастся голосъ изъ образованнаго круга, что церковь и богословская наука должны отказаться отъ извѣстныхъ положеній, оспариваемыхъ общимъ сознаніемъ и опровергнутыхъ наукой, то эти требованія нужно оцѣнивать по тому, насколько они могутъ быть полезны церкви, христіанскому чувству и насколько свѣтскій разумъ будетъ удовлетворенъ ими, чтобы прекратить свой разрывъ съ церковью. Но если главные факты будутъ такого рода, что ими будутъ смущать вѣрующую душу, то христіанское ученіе никакъ не можетъ съ ними примириться. Оно всегда должно помнить слово Апостола (1 Коринѳ. 15), что всякая проповѣдь и всякая вѣра тщетны, если Христосъ не возсталъ изъ мертвыхъ. Относительно этого пункта не можетъ быть никакой сдѣлки между противниками и христіанствомъ; здѣсь вообще лежатъ границы для примиренія между христіанствомъ и современнымъ образованіемъ. Притомъ-же и современная наука здѣсь не въ правѣ входить въ разсужденіе о природѣ чуда вообще, о его значеніи для нашего спасенія

и согласности съ строемъ нашего духа. Одинъ изъ ся-же рядовъ глубокой и благороднѣйшей мыслитель, признаваемый всѣми образованнымъ людьми за глубочайшаго ученаго, доказалъ, что „чудо не стоитъ въ противорѣчїи съ внѣшней природой; оно есть лишь естественное примѣненіе большой силы, которая мѣстно или временно необычно вступаетъ въ дѣйствіе вмѣсто меньшей силы“¹⁾. Такъ Шрадеръ указываетъ средство для заполнения той пропасти, которая выросла между выходящими изъ христіанства и христіанствомъ. Главными условіями для достиженія цѣли примиренія христіанства съ наукой, онъ ставитъ правильное отправленіе своихъ функцій со стороны науки и общественной жизни. А оно будетъ таковымъ, если въ религіи не будетъ споровъ, но только живая любовь ко Христу, ученіе и страданія Котораго должны быть нашей силой, а воскресеніе изъ мертвыхъ нашимъ упованіемъ; въ философіи—упованіе на возможность и силу идей и отрицаніе ложной мудрости, которая возвѣщаетъ вмѣсто мужества сомнѣніе, вмѣсто жизни—смерть и небытіе; въ искусствѣ правильное воззрѣніе на идеаль, свободный отъ жизненной грязи; въ семьѣ—сердечность; въ общественной жизни—примиреніе споровъ во всѣхъ слояхъ народа,—коротко,—стараніе вездѣ насадить гармонию духа и миръ въ Богѣ, чтобы все это признавалось на словахъ и укрѣплялось на дѣлѣ, особенно передъ тѣми, которые хорошо сознаютъ свои права, но еще не склонны къ обнаруженію любви²⁾.

Нельзя не отмѣтить въ протестантствѣ еще нѣкоторыя

1) Lotze. Mikrokosmos. III. S. 363 ff.

2) Можно видѣть, что Шрадеръ требуетъ ни болѣе ни менѣе какъ преобразованія всего жизненнаго строя на евангельскихъ началахъ. Онъ указываетъ, что разладъ жизни съ христіанствомъ такъ великъ, что всѣ прочія мѣры суть палліативы. Быть можетъ, Шрадеръ сильно сгустил краски, но въ общемъ онъ представилъ вѣрную картину. Его указанія уже замѣтно отразились на дѣятельности протестантскаго духовенства, которое въ настоящее время очень дѣятельно старается о насажденіи религіозныхъ началъ дѣтямъ, если не въ школахъ, то въ церкви—бесѣдами, занятіемъ съ дѣтьми въ воскресные дни. И общество съ своей стороны дѣлаетъ все, что можетъ способствовать этой цѣли. Само общество уже сѣтуетъ, что религіозная программа народныхъ школъ, изъ которыхъ пасторы совершенно удалены, такъ плоха, что дѣти читаютъ изъ Библии лишь то, чѣмъ можно привести въ смущеніе большихъ.

движенія. II, прежде всего, христіанско-соціальное и соціальное-евангелическое. Во главѣ перваго стоялъ и теперь еще стоитъ Адольфъ Штекеръ, во главѣ втораго пасторы Пауманъ, Гере, Герлахъ, юристъ Зомъ (Sohn) и богословы Вагнеръ, Дельбрюкъ и Гарнакъ. Первая партія стремилась и стремится къ примиренію и согласованію требованій массы съ нуждами государства и церкви. Было время, когда эта партія играла довольно видную роль, но паденіе ея вождя послужило къ ея разстройству. Штекеръ оттолкнулъ отъ себя просвѣщенную часть духовенства своей богословской нетерпимостью и смѣшеніемъ христіанско-соціального вопроса съ антисемитизмомъ, своей связью съ реакціоннымъ теченіемъ жизни. Говорятъ, что лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, весь Берлинъ лежалъ у ногъ этого замѣчательнаго агитатора. Его рѣчи противъ деморализованнаго либерализма, продажной печати, объ обманутыхъ пролетаріяхъ, у которыхъ вырываютъ изъ сердца драгоцѣннѣйшее ихъ достояніе вѣру и послушаніе, вызывали всеобщій восторгъ. Его призывъ, чтобы государство и церковь не оставались безучастными зрителями того, какъ народъ отвращается отъ церкви и монархіи, его проповѣдь, что осуществленіе справедливости составляетъ идеальную цѣль существованія церкви и государства, создали ему славу народнаго трибуна. Но если еще и ранѣе протестантское духовенство осудило Штекера за его дѣятельность, высказавъ, что воззрѣнія церкви несомѣстимы съ воззрѣніями социалистовъ, то въ настоящее время, послѣ исторіи Штекера съ Императоромъ Вильгельмомъ II и пасторомъ Витте, его шансы и шансы его партіи совершенно упали. Нельзя утверждать, что Штекеръ покончилъ свою дѣятельность, — нельзя же считать погребеннымъ человѣка, когда и теперь еще слушать его рѣчи сходится не менѣе трехъ тысячъ человѣкъ, — но все же можно сказать, что играть ту роль, какую онъ игралъ ранѣе, онъ уже никогда не будетъ.

Изъ партій Штекера образовалось новое, такъ называемое соціальное-евангелическое, направленіе въ протестантствѣ. Эта группа, разоидясь съ Штекеромъ изъ-за вопросовъ религіозной и политической свободы, выработала свою собственную, хотя еще не вполне установленную, программу. Сущность этой программы слѣдующая: а) христіан-

ская вѣра—одинъ изъ величайшихъ двигателей развитія въ духѣ любви и мира; б) наши требованія основаны не во имя только одной религiи и еще менѣе какого-либо исповѣданія, но во имя блага нѣмецкаго народа; в) социалисты-христиане стоятъ на почвѣ конституціи и всеобщаго избирательнаго права; г) нашъ господаиъ—народъ и чѣмъ шире будетъ народный элементъ въ законодательствѣ, тѣмъ больше шансовъ на мирное развитіе. Отсюда, эта партія ставитъ себѣ задачей „этизировать“ и „христианизировать“ рабочее движеніе, выступаетъ противъ социаль-демократiи и рѣшительно отрицаетъ всякія преслѣдованія. Несомнѣнно, что въ этой партiи есть убѣжденные и не заурядные дѣятели, но изъ числа ихъ все-же первое мѣсто занимаетъ пасторъ Пауманъ, съ именемъ котораго связываютъ все движеніе молодой социальпо-евангелической группы. Никто изъ дѣятелей этой группы не обладаетъ такимъ выдающимся талантомъ агитатора, такимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ и, что можетъ быть всего важнѣе, такой сильной волей, какъ этотъ проповѣдникъ. Какъ политикъ, Пауманъ вышелъ изъ тѣсныхъ рамокъ протестантскаго духовенства и попытался воспользоваться другимъ стимуломъ для привлеченія массъ—національностью. Отсюда происходитъ и то, что если Герс говоритъ о соединенiи христианства съ социализмомъ, то Пауманъ предпочитаетъ выдвигать патріотическій социализмъ. Это ведетъ къ болѣе рѣзкому диссонансу въ программѣ, но даетъ возможность примкнуть къ новой группѣ тѣмъ элементамъ образованнаго общества, которые порвали съ прежними Штекеровскими идеями. Удастся-ли эта попытка новой протестантской группы „христианизировать“, какъ они сами выражаются, рабочее движеніе—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ идеи этой группы не новы: онѣ берутъ для себя идеаломъ англійскій христианскій социализмъ и хотятъ пересадить его на нѣмецкую почву. Народъ пока еще относится недовѣрчиво къ этому новому направленiю въ протестанствѣ, потому что это молодое движеніе социалистовъ—евангеликовъ еще само не выяснило себѣ точно своихъ задачъ. Оно лишь очень интересное явленіе въ протестанствѣ и разрастется-ли въ крупный фактъ—вопросъ будущаго.

Не сочувственно относится къ этой партiи и протестант-

ское духовенство, которое и устно и письменно предостерегаетъ своихъ пасомыхъ отъ увлеченія идеями этой партіи. Одинъ изъ представителей протестантства пишетъ по этому поводу: „къ одному собранію, въ которомъ образовались партіи и въ которомъ, вслѣдствіе этого, волны различныхъ воззрѣній бушевали съ такой силой, что слышавіе простого и понятнаго Евангелія стало затруднительнымъ, Ап. Павелъ писалъ (1 Коринѳ. II гл.), что онъ боится, что умы членовъ союза могутъ придти въ замѣшательство о простотѣ во Христѣ. Соціальный вопросъ настоящаго времени, который обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ большимъ числомъ газетныхъ статей, устныхъ и письменныхъ рѣчей, обвиненій и предложеній, въ которыхъ онъ распространяется, угрожаетъ намъ тою-же самою опасностью, которая угрожала собранію Коринѳскому“¹⁾. Чтобы произнести свое сужденіе о новомъ направленіи въ протестанствѣ, Poetter беретъ посланіе Ап. Павла къ Филимону и на основаніи его дѣлаетъ свои выводы объ этомъ новомъ движеніи. Разбирая случай съ Онисимомъ, этотъ представитель протестантства говоритъ, что современные представители соціальнаго христіанства, быть можетъ, воспользуются имъ какъ желаннымъ поводомъ, чтобы во всякаго рода предложеніяхъ, открытыхъ дебатахъ и резолюціяхъ побуждать государство къ переменѣ существующаго порядка. Но у Апостола, какъ и вообще во всемъ Новомъ Завѣтѣ, мы не найдемъ домогательства, чтобы какъ нибудь прямо дѣйствовать на политическія и соціальныя отношенія ихъ времени. Весьма важно въ этомъ отношеніи то высокое божественное величіе, съ какимъ Спаситель проходитъ мимо политическихъ порядковъ, даже болѣе, — мимо безпорядковъ того времени, та святая рѣшимость, съ какою онъ отклоняетъ всякую попытку вовлечь Его въ эти порядки и замѣшать въ вопросы. „Мое царство не отъ міра сего“ — это слово обозначаетъ всю соціально-политическую программу Иисуса. Также поступаютъ и послѣдователи Иисуса. У нихъ было слишкомъ мало времени для того, чтобы употреблять его на игру съ переменой формъ; они видѣли въ этой переменѣ лишь исполненіе правды Божіей, и не хотѣли связывать

¹⁾ Onesimus. Ein biblisch—socialer Vortrag nebst einigen nachträglichen Zusätzen von D. Poetter, Generalsuperintendent. S. 3. Gütersloh. 1896.

себя съ этой перемѣной. Указаніе соціально-христіанской партіи на мѣста Св. Писанія, гдѣ будто-бы Иисусъ Христосъ является „мужемъ народа“ и „другомъ народа“ въ смыслѣ соціально-христіанской партіи (Мо. XXII, 15—22; XXIII, 14; Лк. XII, 13—14; Иоан. XVIII, 36 и Іак. V, 4—6), предтечей и соработникомъ для собственныхъ идей христіанскаго соціализма, есть не болѣе какъ новый раціонализмъ, превращающій цѣль и дѣйствіе христіанства въ психическія возбужденія и движенія, и оно будетъ осмѣяно также, какъ осмѣяны раціонализмъ. Нельзя отрицать огромнаго вліянія христіанства на общественную жизнь, но нельзя не признавать и того, что Господь и Апостолы съ возвѣщеніемъ спасенія не имѣли иной цѣли, кромѣ какъ бѣдныхъ грѣшниковъ сдѣлать дѣтьми Божиими. Это была ихъ единственная цѣль. И въ настоящее время, кто сознаетъ себя служителемъ Св. Духа, тотъ можетъ обойтись безъ услугъ современныхъ благодѣтелей народа. Изъ тѣхъ сѣтованій, которыя они поднимаютъ о соціальныхъ вопросахъ, звучитъ часто одинъ эгоистическій интересъ, а не христіанская свобода любви. Христіанство весьма терпимо, но оно не терпитъ примѣненія средствъ и путей, которые чужды христіанской совѣсти. Этимъ и только этимъ христіанская проповѣдь ограничиваетъ свои задачи, если она должна гдѣ-либо и когда-либо принять соціальную окраску. Все различіе между христіанскою проповѣдью и соціально-христіанскою, отсюда, заключается въ томъ, что послѣдняя имѣетъ въ виду лишь временныя блага, свою основу полагаетъ лишь въ одномъ разумѣ, а первая считаетъ краеугольнымъ основаніемъ одного Христа и заботится о вѣчномъ благѣ людей. Поэтому, при сравненіи ихъ, можно лишь сказать, если „политическая пѣсня—гадкая пѣсня“, то это вполне примѣнимо и къ этой: „политически-соціальная проповѣдь—гадкая проповѣдь“ ⁴⁾. Одна капля христіанскаго состраданія въ сердцѣ дѣйствуетъ лучше, чѣмъ голова, полная національно-экономической премудрости. Это святая любовь—плодъ проповѣди, —которая ничего не знаетъ, кромѣ Христа Распятаго. Гдѣ употребляется эта проповѣдь въ доказательство духа и силы, тамъ христіанинъ самъ собой нахо-

4) Ibid 22

дять истинное отношеніе къ социальнымъ обязанностямъ и порядкамъ. Кто чистъ предъ Богомъ, тотъ будетъ также чистъ и въ его земныхъ дѣлахъ. Безъ мира нѣтъ довольства даже и тогда, когда гражданское право и социальный порядокъ будутъ направлены по желанію социальнo-христіанскихъ мечтателей, а этотъ миръ заключается въ Богѣ, въ религіи, а не въ социальнo-христіанскихъ программахъ. Слова социальнo-христіанскихъ дѣятелей, что они желаютъ провести христіанскую любовь въ государственное законодательство, мало основательны. Если даже христіанская любовь и попадаетъ чрезъ терпистый путь въ законодательство, то она представляетъ столь жестокой, эгоистическій и бюрократическій видъ, что ее почти невозможно узнать. Она ощущается всего лучше, если проявляется свободно, когда она свободно усваивается христіанами въ церкви, не говоря уже о томъ, что желать утвердить любовь порядкомъ закона противно Евангелію. Нужно, прежде всего, имѣть строгое различіе между духовными и свѣтскими, церковными и политическими вещами, чтобы не сдѣлать христіанство чѣмъ-то неопредѣленнымъ. Изъ всякой всячины не является ничего добраго ни въ какой области, но только смятеніе, разстройство и ссоры ¹⁾.

1) Кромѣ этихъ чисто религіозныхъ указаній на несовмѣстимость социализма съ христіанствомъ, Rötter приводитъ еще слѣдующія соображенія въ пользу справедливости своего взгляда:

1) Трудно примирить возрѣнія Новаго Завѣта на вл. стъ (Рим. XIII) съ возрѣніемъ социальнo христіанской партіи: „Король самодержавенъ, если онъ исполняетъ нашу волю“, которое какъ дурная закваска проникаетъ всякую партію.

2) На добрыя качества братской, всеобъемлющей, самоотверженной любви, чрезъ принадлежность къ какой-либо партіи, налагаются оковы, которыя невозможно носить духу, сдѣлавшемуся свободнымъ во Христѣ.

3) Очевидные грѣхи и предразсудки, которые невозможны при христіанской морали, часто находятъ извиненіе и прощеніе въ рамкахъ партійной жизни. Духовный не можетъ быть тамъ, гдѣ вѣрятъ, что грѣхъ возможно сдѣлать дозволеннымъ.

4) Только тотъ духовный будетъ пользоваться довѣріемъ всей общины, можетъ воздѣйствовать на нее, который свободно, не связанный какой-либо силой или мнѣніемъ, исправляетъ свою должность.

Христіанство совершаетъ свое служеніе любви и мира и радуется участію всехъ состояній безъ различія политическихъ партій. Его друзья не на социальнo-политической аренѣ и оно пользуется ролью мно-

Для полноты обзора современныхъ явленій религіозной жизни въ протестантствѣ необходимо отмѣтить также стремленіе протестантскихъ церквей къ католизаціи. Въ чемъ проявляется эта католизація, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго. Основнымъ правиломъ стараго протестантизма было, что церковь, имѣющая исключительно основанія въры изъ Священнаго Писанія, познаніе и пониманіе которыхъ она должна сдѣлать доступнымъ всѣмъ членамъ, была убѣждена, что она сдѣлала самое существенное, если возвѣщала истинное библейское вѣроученіе. Отсюда въ старомъ протестантизмѣ и то прочное и исключительное отношеніе между богословіемъ и церковью, что ученіе въры въ основѣ тождественно съ богословіемъ, которое содержитъ въ себѣ тоже ученіе, что и церковь. Богословіе являлось выразителемъ церковнаго ученія въ основахъ въры, а все остальное предоставляло каждому находить самому. Что проповѣдуемое слово становится жизнью и силой,—но основному убѣжденію стараго протестантизма,—это есть дѣло Духа Святаго, которому должно вѣрить и на котораго должно надѣяться, а не дѣло человѣческое. Отсюда и вѣра церкви должна въ совершенно одинаковомъ образѣ сдѣлаться достояніемъ каждаго отдѣльнаго лица, и никто не долженъ почерпнуть что-либо изъ иного источника, кромѣ Св. Писанія, выраженіемъ котораго служить богословіе.

Это богословіе—въ смыслѣ непогрѣшимаго библейскаго ученія—въ настоящее время отвергнуто, что представляетъ собою реакцію противъ старопротестантства, начавшуюся съ тѣхъ поръ, какъ богословіе усвоило себѣ обычныя научныя приемы и методы. Частію подъ вліяніемъ этого, частію подъ воздѣйствіемъ другихъ силъ—церковь отдѣлилась отъ богословія. Въ числѣ этихъ другихъ силъ, самой важной является „преуснѣвающая католизація (окатолизованіе) протестантскихъ церквей“. Большинство церковныхъ газетъ, къ которымъ примыкаютъ и нѣсколько политическихъ, пишутъ въ духѣ католицизма, такъ что въ нихъ

сердаго самарянина, оставляя роль священника и левита, которые, быть можетъ, обдумывали какія мѣры и планы представить намѣстнику страны для уничтоженія опасности на пути, на долю соціально-христіанской партіи съ ея заботами и попеченіями не въ духѣ христіанства, а въ духѣ національно-экономическихъ идей Ibid. S. 24—25

нельзя найти ни одного мѣста, которое-бы вполне согласовалось съ седьмымъ членомъ Аугсбургскаго исповѣданія. Напротивъ, всюду и постоянно говорится такъ, какъ будто церковь Христова есть институтъ со своимъ большинствомъ голосовъ, со своими порядками обученія, со своей обстановкой. Всѣ обѣтованія Христа перенесены на этотъ институтъ. Различія между церковью вѣры и церковью господствующей почти не дѣлается: порядки и установленія мѣстныхъ церквей, угодныя большинству, ставятся подъ защиту и авторитетъ Спасителя (*des Heiligen*). „Церковь говоритъ“, „Церковь требуетъ“—эти выраженія противопоставляются государству и всѣмъ иначе думающимъ, какъ голосъ Бога—голосу людей, хотя бы дѣло касалось лишь желаній близорукаго большинства. Постепенно усвоятся протестантствомъ и всѣ слѣдствія римско-католическаго пониманія церкви: фанатизмъ, властолюбіе, нетерпимость, страсть къ преслѣдованіямъ, церковная формалистика и полиція,—это уже, такъ сказать, обнаружилось и явно проповѣдуется. Съ совершенно самостоятельной силой заявляютъ о себѣ важнѣйшія изъ послѣдствій этого видоизмѣненія, этго превращенія протестантизма. Прежде всего нужно назвать отношеніе къ символу вѣры. Въ католической церкви преданіе есть, прежде всего правовой порядокъ (*Rechtsordnung*), обязывающій къ послушанію и смиренію; все это—въ опредѣленной, непогрѣшичой формѣ. Протестантство теперь далеко ушло въ этомъ направленіи.

Духовное усвоеніе старопротестантскаго ученія въ цѣлости собственно уже ни отъ кого не требуется; церковныя газеты и лица, считающія себя ортодоксальными, дѣлаютъ грубые промахи противъ церковнаго ученія; евангельскія ученія о милости, о свободѣ, о церкви, объ оправданіи и т. д. обезображиваются—именемъ ортодоксіи—ересями и этого, повидимому, никто не замѣчаетъ. Всякому предоставляется внутренне относиться къ символу вѣры какъ угодно, но заподозривать символъ вѣры въ какомъ-нибудь пунктѣ никто не долженъ: онъ (символь вѣры) долженъ оставаться неприкосновеннымъ, основнымъ порядкомъ (*intangible Grundordnung*) церкви. Церковные споры, столь свойственные протестантству (въ увѣренности, что свѣтъ Евангелія не угаснетъ), признаются теперь церковью за непокорность,

какъ въ католичествѣ, и спорящій при случаѣ объявляется еретикомъ. — Рука объ руку съ измѣненіемъ положенія въ отношеніи къ символу вѣры идутъ попытки придать особенное значеніе богослужбнымъ порядкамъ, сдѣлать изъ нихъ пѣчто обязательное, требовать точнаго исполненія предписаннаго ритуала, притѣснять въ этомъ отношеніи совѣсть христіанъ, и такимъ образомъ нарушать одну изъ самыхъ основныхъ тенденцій реформаціи. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые зашли очень далекко и прямо утверждаютъ, что „церковь должна обладать крѣпкими порядками“ и что, когда будетъ достигнуто въ этомъ отношеніи идеаль католической церкви, тогда только протестантство сдѣлается церковью и будетъ могущественнымъ. Вмѣстѣ съ этимъ духовное сословіе замѣтно выдѣлилось; о генераль-суперъ-интендантѣ уже говорятъ какъ о духовномъ пастырѣ (Oberhirt'ѣ) и охотно желали бы его видѣть въ блескѣ и достоинствѣ католическаго епископа.

Такова сущность католизаціи протестантства, по мнѣнію протестантскихъ богослововъ. Что произойдетъ изъ этого, судить трудно. Богословы, обсуждая это направленіе въ протестантствѣ, говорятъ лишь: слава Богу, есть еще силы въ нашихъ евангелическихъ церквахъ, которыя дѣйствуютъ въ противоположномъ католизаціи направленіи. Мы остаемся и при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ вѣрными своему знамени; свое наслѣдство наша церковь не потеряла; мы боремся за то, чтобы церковь наша была не земнымъ институтомъ, но церковію вѣры, свободы и терпѣнія. Мы не въ состояніи руководить ею, но мы можемъ дѣйствовать, насколько это въ нашихъ силахъ, въ противовѣсъ, такъ какъ это нашъ священный долгъ. Не будемъ забывать и того, что протестантизмъ всегда былъ въ опасностяхъ, всегда боролся; итакъ, будемъ бороться, какъ боролись наши отцы“¹⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Писаревскій.

1) Dr. A. Harnack. Zur gegenwärtigen Lage des Protestantismus S. 20—21 и др. Leipzig 1896.